

интеллигенции. Капиталистический мир находился под напором революционных рабочих масс. В России победил пролетариат и провозгласил начало мировой революции. В Германии шла гражданская война. До 30 тысяч рабочих с Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом во главе были истреблены в ней. Французская и английская буржуазия чувствовали себя как на вулкане. Достаточно прочитать теперь напечатанные в парижской «Эвр» документы о восстаниях французской армии в 1917 году или факты, сообщенные не кем другим, как многоуважаемым Уинстоном Черчиллем в заключительном томе «Мирового кризиса», чтобы видеть, как боялась мировая буржуазия победы революционного пролетариата и в ее собственных странах. Для борьбы против опасности ей нужны были именно иллюзии насчет себя самой. Эти иллюзии ей нужны были и как самовнушение, без которого ей трудно было обманывать народные массы, и для того, чтобы эти народные массы поверили в ее будущее.

И мы видим, как вся так называемая гуманитарная интеллигенция становится проводником веры в Лигу наций, веры в социальные реформы, даже веры в возможность проведения социализма демократическим путем.

Развивая дальше свою мысль о роли интеллигенции в капиталистическом обществе, Маркс говорит, что «внутри этого класса это деление (на идеологов и практиков) может привести даже к известному противопоставлению и вражде этих обеих частей, но оно исчезает само по себе при всяком практическом столкновении, в котором сам класс находится в опасности. Тогда исчезает даже видимость, якобы господствующее мысли не были мыслями господствующего класса и представляли силу, отдельную от мощи этого класса».

И пафисты, и вильсоновцы, и демократы, и социал-демократические интеллигенты могли тогда фрондировать против буржуазии, выступая против Версальского мира или против особенно кровавых средств подавления пролетариата, но перед лицом действительной угрозы пролетарской революции они возвращались в окопы и, выступая против Октябрьской революции, становились на защиту «демократии».

И тогда стало ясно даже слепым, что сила этой интеллигенции не представляет ничего отличного от силы самой буржуазии.

Маленькая горсточка интеллигенции, не примкнувшая тогда окончательно к революционному пролетариату, но приветствовавшая Октябрьскую революцию — в этой книге она представлена американцем Джоном Рид, Рис Вильямс и англичанином Филиппом Прайсом, — приветствовала в Октябрьской революции — конец войны, освобождение части человечества от вампира, который в продолжение ряда лет безжалостно высасывал кровь из человечества. Одновременно она чувствовала что-то новое, чего история не видела, — грандиозное движение масс. По всей вероятности, именно это движение масс, их творческая инициатива представляла собой ту сторону революции, которая больше всего заставляла думать гуманитарную интел-

лигенцию. В 1918 году Артур Ренсом, корреспондент «Манчестер Гардиан», либеральной английской газеты, человек, сочувствующий Октябрьской революции, показывал мне письмо главного редактора газеты, старика Скотта, который писал ему: «Мне очень трудно понять, что в России происходит, но смотрите хорошенько. мне кажется, что там происходит что-то новое, что там рождается какой-то лучший строй, который не позволит, чтобы и в будущем люди резали людей».

Старик Скотт был последышем английского буржуазного радикализма и, даже будучи редактором руководящего органа английских хлопчатобумажных фабрикантов, сохраняя чувство неудовлетворенности капиталистическим строем, понимал возможность какого-то другого, лучшего строя. Радикальная интеллигенция, которая начала и ворачивать к Октябрьской революции, делала это, исходя из подобных ощущений.

Гражданская война в России, героизм, проявленный пролетариатом, грандиозная фигура Ленина — все это заставляло интеллигенцию прислушиваться к раскатам грома в Советской России. Но она увлекалась в первую очередь героической картиной борьбы, а не ее содержанием. В целом ряде выступлений, напечатанных в этом сборнике, мы имеем образцы этого отношения к СССР. Некоторые из интеллигентских писателей, восхищавшихся гигантской героической борьбой советского пролетариата против интервенции, с начала нэпа отодвинулись от нас, считая, что начались будни, что трудно требовать от человека, привыкшего восхищаться великим, чтобы он восторгался, скажем, ростом советской торговли. У них мелькала невысказанная мысль, что напрасно герой не погиб, что раз он учится торговать, то нечего им заниматься.

Эти люди, понятно, так свои мысли не формулировали. Одни уходили, указывая на свое несогласие «с методами Коминтерна, который хочет заставить все страны подражать русским обычаям», другие хныкали по поводу «борьбы направлений в ВКП», но по существу их колебания объяснялись тем, что в Европе началась капиталистическая стабилизация. Мелкобуржуазная интеллигенция, вчера фрондирующая и бунтующая, начала возвращаться в обычную колею и поэтому решала под разными предлогами предоставить СССР его «собственной участи». Она не разрывала с нами, состояла в членах «Общества друзей Советского союза», но потеряла активный интерес к Октябрьской революции. В период с 1924 года примерно по 1928 год об СССР пишут только революционные интеллигенты, близкие и в своих странах к коммунистическому движению.

Эта картина меняется снова с момента, когда кризис капиталистического мира вскрыл органические пороки капитализма, показал этой интеллигенции, что кризис капитализма не кончился с войной, что он углубляется и расширяется и что капитализм катится к новым величайшим потрясениям.

Эта интеллигенция увидела одновременно, что ее предположение, будто настал конец героического периода Октябрьской революции, оказалось смешным. Е. ли интеллигенция видела в нэпе только отступление советского пролетариата к будням восстановления капиталистического хозяйства, то действительность показывает ей, что нэп был подготовкой нового великого наступления пролетариата, подготовкой самых великих дел пролетарской революции, строительства социализма, принимавшего все более грандиозные размеры, видимые и невооруженному глазу человека, даже не понимающего языков, на которых говорят народные массы в СССР, строительства социализма, которое создало целые новые города, которое взрывало пороги, рыло трактором старую русскую равнину и азиатскую степь. Все это дало мировой интеллигенции предчувствие чего-то грандиозного, нового.

Из стран кризиса льется в СССР поток интеллигентских туристов. Они разносят по всему миру сведения, что в то время, как в капиталистических странах разваливаются производительные силы, в СССР идет грандиозная стройка.

Кризис не позволяет интеллигенции оставаться на положении туриста-зрителя. Безработица бьет не только по рабочему классу капиталистических стран, она начинает бить по интеллигенции — по писателю, учителю музыки, актеру, инженеру, которые до этого времени не считались пролетариями, которые гордились крохами комфорта, получаемого со стола буржуазии. Захваченные вдруг тисками кризиса, они начинают понимать, что они живут за счет того, что производит пролетариат, или что они сами производители прибавочной ценности. Это больше всех чувствует техническая интеллигенция. Кризис производит почти везде раскол среди интеллигенции. Одна ее часть идет направо, к фашизму, для того, чтобы за счет ухудшения положения пролетариата, исполняя роль преторианцев буржуазии, улучшить свое положение. Часть, готовая взять на себя эту грязную задачу, снова пытается создать иллюзии насчет фашистского периода буржуазии; она пытается представить себе и народным массам этот период как период создания какого-то нового общества, отличного от капиталистического и лучшего.

Но одновременно часть интеллигенции поворачивает налево, начинает вдумываться в пути Советского союза. Как из рога изобилия, сыплются книги о СССР, которые в плане видят спасение от всех бедствий. Неспособные посмотреть действительности в глаза, — ибо это требовало бы осознания, что и на Западе без революции не будет никакого коренного перелома, — эта интеллигенция создает, так сказать, религию плана. Она ищет философского камня, при помощи которого без социалистической революции можно было бы найти выход из положения на Западе.

Часть этой интеллигенции идет дальше: начинает сочувствовать самой идее пролетарской

революции, начинает понимать, что сущность пятилетки не в статистических выкладках, которые представляют только программу борьбы, что сущность пятилетки в классовой борьбе, сметающей препятствия, классы и слои, сопротивляющиеся пролетариату, строящему социализм, что сущность пятилетки в освобожденном труде, который развязывает в народных массах, до этого времени отстраненных от культурной жизни, величайшие силы и позволяет им штурмовать технику, культуру.

В том же самом направлении действует опасность новой империалистической войны, выступающая с величайшей яркостью на Дальнем Востоке, в обострении германо-французских отношений, в крахе конференций по разоружению.

Мировой капиталистический кризис, опасность мировой войны разбили иллюзии, которые себе строила интеллигенция после войны, во время стабилизации капитализма, во время всякой «локарнской» возни. Потрясенный до глубины капитализм ухудшает положение не только пролетариата, но и всей интеллигенции. Она начинает понимать, что и для нее дальнейшее существование капитализма — это перспектива прозябания, нищеты. Рост реакции во всех капиталистических странах говорит этой интеллигенции, что песенка буржуазной демократии спета. Это бьет больше всего по тем группам интеллигенции, которые чуждались Советского союза потому, что советский строй уничтожил буржуазную демократию, что диктатура пролетариата означает беспощадное подавление эксплуататорских классов.

Суровой открытой диктатуре пролетариата гуманитарная интеллигенция противопоставляла мечту о спокойном, медленном развитии на рельсах демократии, развитии, которое позволило бы пролетариату продвигаться вперед, понятно, при благосклонной поддержке интеллигенции.

Фашистская действительность говорит этой интеллигенции, что придется решать: или быть за диктатуру пролетариата, или быть за диктатуру тех, которые не в состоянии уже развивать общественные силы, которые растаптывают очаги культуры, которые из самой интеллигенции делают новый (интеллигентный) люмпен-пролетариат.

Если в период стабилизации капитализма господа интеллигенты могли прятаться за всякого рода дипломатические тени, бросаемые на женевский экран, если они могли говорить, что все эти крики об опасности войны не обоснованы, что между Францией и Германией наступило примирение, что морские вооружения ограничиваются и т. д., то теперь только тот, кто закроет глаза и уши, попытается отделиться полностью от действительности, может не видеть грандиозного обостре-

ния империалистических противоречий, подготовки новой войны.

Из всей мировой обстановки вырастает поворот значительной части мировой интеллигенции к Советскому союзу. Выражением этого намечающегося поворота явился антивоенный конгресс, является переход на сторону пролетариата таких писателей, как Ромен Роллан и Андре Жид. Самым характерным в этом направлении является факт, что самые крупные таланты американской литературы поворачивают к СССР и к коммунизму. Как симптом сдвигов, происходящих в интеллигенции, не менее ценен ее громадный интерес к СССР и открытие ею американского пролетариата, его страданий и его борьбы. Обследование кровавого террора американского капитала в горняцких районах Кентукки группой Драйзера показало, что сдвиг в американской интеллигенции глубже экзотического интереса к социализму, строящемуся в другой стране, что эта интеллигенция начинает понимать те задачи, которые стоят перед ней в ее собственных странах. И замечательно именно то, что этот сдвиг наиболее ярко выступает в стране наиболее сильного капитализма, в стране, интеллигенция которой привыкла считать социализм каким-то заморским растением.

Эти сдвиги не ограничиваются писательским миром; наоборот, те же сдвиги происходят в глубине трудовой интеллигенции, которая является на Западе немалой частью мелкой буржуазии вообще. Выступления Ромена Роллана, Драйзеров говорят о начале раскола среди мелкой буржуазии и начале сдвига одной части мелкой буржуазии к пролетариату. Буржуазная пресса успокаивает себя, что здесь налицо только известный «салонный большевизм». В статье, посвященной выступлению Андре Жид за Советский союз, «Эко де Пари», орган французского генерального штаба, договорился до того, что великолепно живущие мастера литературы ищут успокоения совести в заигрывании с коммунизмом. Но достаточно спросить себя, почему же именно в 1932 году вдруг заговорила совесть у мастеров мировой литературы, чтобы видеть, что в выступлениях, подобных выступлению «Эко де Пари», мы имеем дело с лихорадочной попыткой уменьшить значение опасных для мировой буржуазии симптомов. Дело в том, что чуткие представители мелкой буржуазии чувствуют приближающуюся гибель капитализма, чувствуют подготавливающийся сдвиг в мелкобуржуазных массах, жестоко обманутых капитализмом, и выражают это.

Не подлежит сомнению, что мы стоим перед поворотом части интеллигенции к борьбе с империализмом и с капитализмом, то есть стоим перед явлением, имеющим большое общественное значение. Общественное значение этих намечающихся тенден-

ций состоит в том, что интеллигентские слои, как поставщики идеологии для мелкобуржуазных масс, могут своим отходом от защиты капитализма к борьбе против него ускорить приближение мелкобуржуазных масс к пролетариату. Переход этих масс от враждебности к пролетариату к благожелательному нейтралитету, а быть может, при дальнейшем обострении кризиса к известному союзу с рабочим классом, очень облегчил бы борьбу пролетариата за власть.

Книга эта, передавая мысли и впечатления разных слоев интеллигенции по отношению к Октябрьской революции, содержит многое, не имеющее ничего общего с идеологией коммунизма. Иначе и быть не может, так как она отражает только первые шаги, которые делают по направлению к пролетариату слои, до этого времени очень далекие от пролетарской революции.

И несмотря на это, она заслуживает внимания не только как исторический документ. Пусть эту книгу прочтут внимательно те представители советской интеллигенции, которые перешли честно на сторону пролетариата и принимают участие в его борьбе за построение социализма. Они увидят в колебаниях европейской интеллигенции многое из своих давнишних переживаний, и они смогут, опираясь на свой опыт, на пережитое в революции, рассказать мировой интеллигенции о пути, ими пройденном, и облегчить этим мировой интеллигенции переход на новые позиции — не симпатизирующего зрителя, а участника пролетарской революции.

Впереди громадная работа завоевания значительных и влиятельных слоев мировой интеллигенции, положение которых ухудшается, сближая ее с пролетариатом.

Антивоенный конгресс показал, как в глубине трудовой интеллигенции Европы, среди учительства, среди технической интеллигенции во всем мире, растет чувство близости с пролетариатом, виден рост симпатий к пролетариату.

Задача наша — помочь этим процессам, ускорить их, помочь европейской интеллигенции изжить массу мелкобуржуазных иллюзий, с которыми она входит на новый путь.

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ О СССР (ОТ СОСТАВИТЕЛЯ)

I

Едва ли многие знают, что иностранная художественная литература об Октябрьской революции, о нашей гражданской войне, о нашем социалистическом строительстве насчитывает несколько тысяч томов, написанных на разных языках, людьми самых разнообразных категорий и мировоззрений. Мы имеем огромное количество романов из советской жизни, сотни книг и брошюр, написанных людьми, посетившими Советский союз, немалое количество сборников очерков, запечатлевающих в той или иной форме жизнь Советского союза. Чрезвычайно трудно в каком-нибудь томе дать советскому читателю представление об этой литературе, еще, пожалуй, труднее в краткой статье дать обзор этой литературы, столь разнообразной по своей форме и еще более разнообразной по содержанию: мы имеем здесь и книги, написанные друзьями Советского союза, и книги, принадлежащие перу врагов пролетариата, явных, скрытых, маскирующихся, имеем бесконечное количество лживых брошюр с «воспоминаниями», «показаниями очевидцев» и т. д., и т. п. Но вся эта литература представляет чрезвычайно большой интерес: она показывает отношение разных групп и категорий в разные периоды к стране пролетарской диктатуры; показывает, как нарастал за рубежом интерес к Стране советов, как наши враги пользовались литературой в качестве орудия для борьбы с нами; показывает, как под влиянием успехов СССР совершался перелом в мировоззрении зарубежной интеллигенции. В настоящее время, через пятнадцать лет после великих Октябрьских дней 1917 года, весьма поучительно бросить взгляд на всю эту литературу, ибо в ней своеобразно отразился путь нашей борьбы, путь наших завоеваний и побед.

Мы знаем, как встретила мировая буржуазия Октябрьскую революцию. Неистовствуя в своей злобе, она фабриковала через своих литературных агентов сотни книг и брошюр, полных

самой бессовестной лжи, самой гнусной клеветы на советский пролетариат, на пролетарскую диктатуру.

Стоит просмотреть одни названия большинства книг, появившихся в первый период революции, чтобы понять их характер. «Россия, закусившая удила» — так назвал свою книгу американец Гарпер. «Большевики в роли могильщиков» — так называется книга немца Бернгардта Эргарта. «Волки» — кратко охарактеризовал большевиков в названии своей книги другой немец, Герварт Фольк. «Большевистский ад» — написал в главении француз Р. Вошэ и дал подзаголовок: «В Петрограде под властью коммуны и террора». Можно было бы сколько угодно продолжать перечень подобных названий, основное содержание которых — бегство от советских ужасов, бегство от красного террора, бегство из большевистского ада. Таково и содержание большинства книг о Советской стране в первые годы революции.

Характер этой литературы определялся ее целями — целями буржуазии, делавшей все, что было в ее силах, чтобы уничтожить первую республику труда, чтобы не допустить до трудящихся масс правду о нашей революции. Уже в ту пору это делалось не всегда грубо, часто под маской сочувствия к «бедному русскому народу», который, мол, так страдает под властью этих «захватчиков» и «насильников». Буржуазия использовала частично своих корреспондентов, находившихся в России в период войны. И они быстро откликнулись на заказ своих хозяев.

Весьма характерна в этом отношении книга Габриэля Домерга «Об удовольствиях, о грязи, о крови». Уже одно название опять-таки говорит за себя. Откуда взялось это название? Домерг поясняет в первой главе своей книги: «В самом начале революции один русский генерал в тесном кругу своих друзей-единомышленников сказал: «Россия до революции представляла собой горшок с грязью. Революция разбила горшок, осталась одна грязь. Правда, следует добавить, что грязь здесь заменяет слово, более выразительное, более грубое, которое приличие мешает здесь воспроизвести». Пусть это утверждение останется на совести генерала и Домерга. Но важно то, что на протяжении трехсот страниц своей книги этот буржуазный писак, действительно присутствовавший при историческом Октябрьском перевороте, наблюдавший борьбу и в пролетарском и в контрреволюционном лагере, не нашел возможным сказать ни одного слова правды о том, что он видел, о том, что действительно происходило на его глазах.

Домерг — не единичное явление, его книга типична для большинства буржуазных книг об Октябрьской революции. Но Домерг интересен еще тем, что в нескольких строках в предисловии к своей книге он четко формулирует те цели, которые преследовал, распространяя подобную литературу, мировой империализм.

«Что будет с этим свободным народом, — елеинно вопрошает Домерг, — предоставленным самому себе, своим собственным

влечениям, возвратившимся к первобытным варварским временам? Что станет с этой великой нацией с неограниченными возможностями и несравненными богатствами, ставшей жертвой всяких гнусностей?»

И он сокрушенно отвечает:

«Зло велико, велико, как земля, на которой оно распространилось. Оно так глубоко, что искоренить его можно только огнем и мечом. Это то, что пытались сделать немцы. Мы не допустим этого... Россия покинула нас. Это правда. Но было бы несправедливо с нашей стороны переносить на всех русских ошибки некоторых из них. Было бы неправильно и невыгодно обижаться и оставлять поле действия свободным для победителей. Наоборот, надо действовать и действовать без промедления, чтобы вырвать этих несчастных, сбившихся с пути и находящихся в руках наших врагов, и заставить их перейти к нам для своего и нашего спасения».

В этих строках программа действий международного империализма, которой подчинено было содержание всех клеветнических книг, написанных о нас писателями буржуазии в тот период, в них та программа, которую потом французский империализм в частности пытался осуществить путем интервенции. Эта литература имела свое значение, она вместе с периодической буржуазной печатью искажала в умах широких масс представление о подлинном характере нашей революции, она стремилась задержать рост тех симпатий, которые проявил к Октябрьской революции международный пролетариат, имевший мало средств получить иную информацию о стране пролетарской диктатуры.

Однако Октябрьская революция и в тот период, наряду с десятками Домергов, имела и единицы иных своих летописцев. В то время, как Домерг подготовлял свои пасквили, с надеждой наблюдая агонию Временного правительства в залах Зимнего дворца и контрреволюционные приготовления в петроградской думе, этом штабе контрреволюции, — в то же время ходил по улицам ошетинившегося Петрограда, бродил по дортуарам и залам Смольного другой журналист, имя которого известно теперь всему миру, — Джон Рид. Он в те дни кропотливо собирал номера газет, прокламации и брошюры, плакаты и афиши, которые документально подкрепили бы все то, что он наблюдал; он повез затем в ньюйоркскую гавань огромную великолепную коллекцию материалов, чтобы засесть с ними в небольшой комнатухе Нью-Йорка и написать там свою книгу «Десять дней, которые потрясли мир», о которой Ленин в своем предисловии писал:

«Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата».

Эта книга, действительно, была переведена на все языки и действительно распространена в миллионах экземпляров. Эта книга пробила первую брешь в стене, поставленной мировой буржуазией между победившим пролетариатом России и угнетенными пролетариями капиталистических стран.

В те же дни бродил по Петрограду и другой революционный журналист — Альберт Рис Вильямс. О его возвращении в Нью-Йорк из Советской республики Эптон Синклер писал: «Все силы капитализма были мобилизованы, чтобы сделать блокаду Советской России полной и непроницаемой. И когда Вильямс все же прорвался сквозь нее и привнес нам истину, он, с его рассказами и сообщенными им фактами, показался нам вестником из другого мира». Альберт Рис Вильямс не сразу сел за книгу. Он разъезжал по городам Америки, всюду рассказывая правду о Советской стране. И когда он выпустил брошюру «76 вопросов и ответов», она разошлась в двух миллионах экземпляров. Американские рабочие, несмотря на все препятствия буржуазии, узнали правду о Советской стране и, как сообщает тот же Эптон Синклер, «десятками тысяч стекались на доклады Вильямса и Джона Рида, чтобы выразить свое сочувствие революции».

И не все буржуазные журналисты пошли по стопам Габриэля Дюмерга. Корреспондент «Манчестер Гардиан» Филлипс Прайс приехал в Россию, далекий от коммунистических воззрений. Он уехал отсюда также не коммунистом. Но в своих телеграммах он не повторял той клеветы, которую распространяли его «коллеги», а его книга об Октябрьской революции, если порой и обнаруживает неполное понимание событий, является одной из первых сочувственных книг о Советской республике.

II

Борьба против проникновения правды о Стране советов к трудящимся массам всего мира была для мировой буржуазии частью ее борьбы против революционного движения, разраставшегося во всех странах. Буржуазии, несмотря на все ее меры, не удалось остановить революцию. Мировой характер Октябрьской революции подтверждался все новыми и новыми историческими фактами, как германская революция, как пролетарская диктатура в Венгрии, как Баварская советская республика и т. д. и т. д. Этот рост революционного движения в свою очередь способствовал росту интереса к тому, что совершается в Советской России, не только со стороны пролетарских масс, но и со стороны интеллигенции. В особенности той части ее, которая под влиянием победного развертывания революции сближалась с революционным движением.

В результате, несмотря на то, что буржуазная печать продолжала свою кампанию лжи и клеветы, несмотря на то, что продолжали выходить книги под названиями: «Варварская Советская Россия» (Мак Брайд — Америка), «Русские Содом и Гоморра» (К. Гальберг — Дания), «Обманщики и обманутые» (А. Липпедман — Германия), — несмотря на все это, в настро-